

ГРИГОРИЙ ОЛЬХОВИКОВ

Знание как истинное и обоснованное мнение: как обезвредить контрпримеры

Широко известная работа Э. Геттиера «*Является ли знанием истинное и обоснованное мнение?*»¹ посвящена критике нескольких весьма схожих определений знания. Авторы этих определений, упоминаемые Геттиером: А. Айер и Р. Чизольм — принадлежат к так называемой аналитической философии. Неудивительно, что знать значение некоторого термина для них, в соответствии с фрегеанской традицией, означает то же, что знать истинностные условия всевозможных высказываний, содержащих этот термин. Архетипичная схема такого рода высказываний имеет вид «*a* знает, что *X*», где *a* есть некий агент знания, а *X* — некоторое суждение. Хотя цитируемые Геттиером формулировки этого определения несколько различны по своей словесной форме, и без особых комментариев можно догадаться, что, по сути, они имеют один и тот же смысл. Его можно выразить таким образом:

ОПРЕДЕЛЕНИЕ 1. Пусть *a* — агент, *X* — высказывание. Тогда «*a* знает, что *X*» истинно, если и только если: (1) *X* истинно; (2) *a* верит в то, что *X* истинно; (3) *a* имеет основание для того, чтобы верить, в то, что *X* истинно.

Геттиер утверждает, что он в состоянии показать неадекватность этого определения знания, и делает это с помощью серии контрпримеров. В интересах дальнейшего анализа воспроизведем их полностью (в переводе Т. Н. Зеликиной. — *Г. О.*).

1. «Предположим, что Смит и Джонс пытаются получить одну и ту же должность.

¹ Впервые опубликовано: *Gettier E. L. Is Justified True Belief Knowledge? // Analysis. 1963. Vol. 23. P. 121–123.*

Предположим также, что у Смита есть веские основания полагать истинность следующего высказывания:

(D) Именно Джонс получит должность, и у Джонса в кармане есть 10 монет.

Основания Смита полагать, что (D) истинно, могут заключаться в том, что президент компании уверил его, что из них двоих выберут именно Джонса, и, с другой стороны, Смит сам сосчитал монеты в кармане Джонса всего десять минут назад. Из высказывания (D) следует, что:

(E) У человека, который получит должность, в кармане лежит 10 монет.

Предположим, что Смит видит, что из (D) следует (E), и принимает (E) как истинное на основании (D), для которого, в свою очередь, у него есть веские основания. В таком случае Смит обоснованно убежден в истинности (E).

Но представим себе, что, хотя еще и не зная того, сам Смит, а не Джонс, получит должность. И, также сам того не подозревая, Смит имеет в кармане 10 монет. Высказывание (E) в таком случае по-прежнему остается истинным, хотя высказывание (D), из которого Смит и вывел (E), оказывается ложным. Следовательно, в данном примере выполнены все условия: (i) (E) истинно, (ii) Смит убежден в том, что (E) истинно, и (iii) Смит имеет основания для того, чтобы быть убежденным в истинности (E). Но настолько же очевидно и то, что Смит *не знает*, что (E) истинно, так как (E) истинно за счет того, что у Смита в кармане лежит 10 монет, в то время как сам Смит не знает, сколько монет у него в кармане, и основывает свое убеждение в истинности (E), на том, что у Джонса в кармане 10 монет, и на том убеждении, что Джонс получит должность».

2. «Предположим, что у Смита есть веские основания для того, чтобы утверждать следующее:

(F) У Джонса есть «Форд».

Основания Смита могут состоять в том, что у Джонса всегда, насколько помнит Смит, была машина и всегда — именно «Форд». К тому же Джонс только что предложил подвезти Смита и сидел за рулем «Форда». Теперь представим себе, что у Смита есть еще один друг, Браун, о местонахождении которого в данное время Смит совершенно ничего неизвестно. Смит выбирает наугад названия трех мест и строит три следующих высказывания:

(G) Либо у Джонса есть «Форд», либо Браун — в Бостоне.

(H) Либо у Джонса есть «Форд», либо Браун — в Барселоне.

(I) Либо у Джонса есть «Форд», либо Браун — в Брест-Литовске.

Каждое из этих высказываний обусловлено (F). Представим себе, что Смит, видя обусловленность построенных им высказываний (F), принимает (G), (H) и (I) на основании (F). Смит делает правильное заключение о (G), (H) и (I) из высказывания, для которого у него есть веские основания. Следовательно, Смит совершенно оправданно убеж-

ден в каждом из этих трех высказываний. При этом, конечно, Смит не знает, где на самом деле находится Браун.

Но теперь представим себе, что имеют силу два следующих условия: во-первых, у Джонса *нет* «Форда», и в настоящее время он арендовал машину; и во-вторых, по чистой случайности и без ведома Смита, Браун оказался именно в том месте, о котором говорится в высказывании (Н). Если два этих условия действительно имеют место, то Смит *не знает*, что (Н) истинно, даже несмотря на то, что (i) (Н) истинно, (ii) Смит убежден в том, что (Н) истинно, и (iii) Смит имеет основания для того, чтобы быть убежденным в истинности (Н)».

Заметим, что оба этих контрпримера критикуют не *необходимость*, а *достаточность* трех выдвинутых выше условий для обладания знанием. Кроме того, они имеют в целом схожую структуру, следуя которой можно придумать неограниченное число других подобных контрпримеров. В чем именно состоит это сходство, мы попытаемся выяснить ниже.

Прежде, чем мы перейдем к этому, заметим, что концепции упомянутых аналитических философов являются лишь поверхностным объектом критики Геттиера. На самом деле, значительная часть современных специалистов по эпистемологии соглашается с тем, что (1) неявное принятие концепции знания как истинного и обоснованного мнения характерно для классической эпистемологии в целом, и (2) контрпримеры Геттиера подрывают эту концепцию в самых ее основаниях. Соответственно, надо оставить попытки улучшения этих классических определений и строить новую эпистемологию. Она должна быть построена «с нуля» и на совершенно новых основаниях. Некоторые из них заходят так далеко, что даже предлагают различные принципиально новые концепции такого рода.

Не пытаюсь обсуждать пределы, в которых правильно утверждать нечто вроде (1), мы считаем, что эпистемологи, разделяющие мнение (2), неправы. В действительности, контрпримеры Геттиера не указывают ни на какой существенный недостаток критикуемого им определения знания. Все они могут быть устранены одной достаточно очевидной поправкой к нему. Правда, для того, чтобы эта поправка стала очевидной, нам придется несколько уточнить само это определение.

Рассмотрим условие (3) Определения I: «*a* имеет основание для того, чтобы верить, в то, что *X* истинно». Как мы можем убедиться в том, что *a* имеет это основание? Если мы спросим об этом основании самого *a*, то он, вероятнее всего, постарается как-то *обосновать* свою веру в *X*. Согласимся ли мы с ним в этом, или нет, будет зависеть от того, что мы считаем приемлемым в качестве обоснования. Согласится ли *a* с нашим мнением об обоснованности его веры, будет, в свою очередь, зависеть от того, насколько наши понятия о приемлемых обоснованиях совпадают с понятиями *a*. Ясно, что для своей веры в одно и то же суждение *X* разные агенты могут давать различные обоснования, и может случиться так, что эти различные обоснования с некоторой точки зре-

ния окажутся одинаково приемлемыми. Итак, мы можем, уточнить (3) следующим образом:

(3') Существует такое O , что O является для a обоснованием X , и O известно a .

В пользу такого уточнения говорит и то, что когда Геттиер, конструируя свои контрпримеры, пытается показать, что у Смита есть веские основания верить в некоторое утверждение, он, по сути, конструирует примеры обоснований, которые мог бы привести Смит для своей веры в эти утверждения, если бы кто-то попросил обосновать ее. Как же выглядят эти обоснования? Вероятно, мы не погрешим против истины, если реконструируем их следующим образом:

(В ПРИМЕРЕ 1): 1. Президент компании заявил, что Джонс получит должность (посылка).

2. Джонс получит должность (из 1).

3. У Джонса в кармане 10 монет (посылка).

4. Джонс получит должность и у Джонса в кармане 10 монет (из 2 и 3).

5. Существует x , такой, что x получит должность и у x в кармане 10 монет (из 4).

(В ПРИМЕРЕ 2): 1. Все предшествующие попытки Смита узнать, есть ли у Джонса машина и какая именно, приводили Смита к ответу, что Джонс является владельцем «Форда» (посылка).

2. Джонс только что предложил подвезти Смита и при этом сидел за рулем «Форда» (посылка).

3. В настоящее время Джонс является владельцем «Форда» (из 1 и 2).

4. В настоящее время Джонс является владельцем «Форда» или Бран находится в Барселоне (из 3).

Из этого анализа видно, что структура обоснования во всем подобна структуре вывода из посылок в классической логике, за одним, но весьма существенным, исключением: переходы от суждения к суждению в ходе обоснования не обязаны быть дедуктивными². Это значит, что такие переходы не обязаны вести нас от истинных суждений к другим истинным суждениям. В рассмотренных примерах недедуктивные переходы позволяют получить из 1-го 2-е, и из 1-го и 2-го 3-е суждение, соответственно. Наряду с недедуктивными переходами в обоснованиях могут присутствовать, и чаще всего присутствуют, также и самые обычные дедукции. Однако для того, чтобы наш анализ обоснований оставался реалистичным, необходимо учесть, что дедуктивные способности большинства людей не безупречны. Значит, для каждого человека будут существовать какие-то виды дедуктивных умозаключений, которые ему не удастся опознать в качестве дедуктивных и которые в силу этого могут быть не признаны им в качестве допустимых способов обоснования. Вообще говоря, учитывая конечность жизни

² Другая особенность, достаточно очевидная, чтобы особо ее не рассматривать, состоит в том, что агент должен верить в посылки обоснования.

каждого человека, разумно признать, что в этой жизни он может рассмотреть и в конечном счете признать или отвергнуть в качестве допустимых способов обоснования лишь конечное множество переходов от группы суждений к суждению. Среди них будут как примеры дедукций, так и недедуктивные переходы. В некоторых случаях два и более таких переходов могут быть опознаны этим человеком как частные случаи одной общей схемы обоснования. Тогда, рассматривая эту схему как таковую, человек может прийти к выводу о том, что все ее частные случаи могут быть признаны в качестве допустимых способов обоснования. Множество таких частных случаев может быть, вообще говоря, бесконечно. Мы, однако, считаем необходимым, чтобы признание общей схемы обоснования обеспечивалось способностью опознать любой из ее частных случаев в качестве такового, т. е. чтобы множество фактически признаваемых частных случаев для каждой схемы было рекурсивным (а значит, не более чем счетно-бесконечным). Теперь, учитывая, что любое конечное множество частных случаев общей схемы рассуждения также будет рекурсивно, а также считая все те способы обоснования, которые не подпадают ни под одну общую схему, вырожденными вариантами схем с единственным частным случаем, мы на основании всех вышеперечисленных соображений приходим к следующему общему выводу.

В каждый данный момент множество признаваемых агентом³ обосновывающих переходов от группы суждений к суждению подпадает под конечное множество общих схем обоснования, причем для каждой такой схемы множество подпадающих под нее обосновывающих переходов является рекурсивным.

Теперь мы можем зафиксировать уточненное и релятивизированное относительно множества обосновывающих переходов понятие обоснования.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ 2. Пусть S — множество обосновывающих переходов. Последовательность суждений A_1, \dots, A_n является S -обоснованием суждения A_n , если и только если: (а) для каждого A_i , $1 \leq i \leq n$, верно хотя бы одно из утверждений: (a1) A_i — посылка; (a2) в последовательности A_1, \dots, A_{i-1} имеются суждения B_1, \dots, B_k , такие, что переход от B_1, \dots, B_k к A_i принадлежит S ; и (б) если последовательность A'_1, \dots, A'_m получена выбрасыванием некоторого числа суждений из последовательности A_1, \dots, A_n , то она не удовлетворяет (а). Пункт (б) в Определении 2 обеспечивает отсутствие в обоснованиях посылок и промежуточных обоснований, не участвующих в обосновании последнего суждения.

³ «Агент» в рамках настоящей статьи употребляется как технический термин. В этом смысле агент полностью определен признаваемыми им способами обоснования. Конкретный человек может быть экземпляром одного агента в одни периоды своей жизни, и экземпляром другого агента — в другие.

С учетом этого определения мы можем переформулировать Определение 1 следующим образом:

ОПРЕДЕЛЕНИЕ 3. Пусть S есть множество обосновывающих переходов, признаваемых агентом a . Тогда мы скажем, что a знает, что X , если и только если одновременно выполняются следующие условия:

1. X истинно;
2. a верит в X ;
3. Для некоторых суждений A_1, \dots, A_n : (1) последовательность A_1, \dots, A_n , X является S -обоснованием; (2) если B_1, \dots, B_k — список посылок, входящих в это обоснование, то все суждения B_1, \dots, B_k истинны, и a верит в каждое из них.⁴

В чем состоит проблема, с которой сталкивается это определение, равно как и все его предшественники в лице контрпримеров Геттиера? Проблема эта, по нашему мнению, такова: то, что претендует в данных контрпримерах на роль знания, не имеет для данного агента таких оснований, которые сами были бы знанием. Так, во втором контрпримере основанием, на котором мы верим в суждение «В настоящее время Джонс является владельцем «Форда» или Браун находится в Барселоне», является суждение «В настоящее время Джонс является владельцем «Форда», которое само по себе знанием быть не может, поскольку оно ложно, а значит, не обладает первым из заявленных признаков знания. В то же время, оно обладает вторым и третьим признаками, а именно, агент верит в это суждение и верит обоснованно, поскольку обоснованием этого суждения является начальный сегмент обоснования суждения «В настоящее время Джонс является владельцем «Форда» или Браун находится в Барселоне». В действительности, можно рассматривать как аналитическую истину утверждение о том, что если нечто обосновано для данного агента, то агент в это верит (хотя не все во что верит агент обязано быть как-то обоснованным). В этом случае второй пункт в Определении 3 оказывается избыточным, поскольку следует из третьего⁵. Сократив, таким образом, второй пункт, мы хотим теперь исправить это определение так, чтобы не только конечный пункт обоснования, но и все прочие участвующие в нем суждения были частями знания

4 Здесь мы упрощаем ситуацию со знанием в двух важных отношениях:

1) Мы считаем, что если обоснование существует, то оно тем самым уже известно агенту, так что понятие «известного обоснования» упомянутое в (3') предполагается в некотором смысле тривиальным.

2) Мы не пытаемся определять истинностные значения несколько более сложных контекстов типа «с точки зрения агента x , агент u знает, что A ».

Эти упрощения мотивированы ограниченным объемом настоящей статьи.

5 Если бы кому-то удалось это опровергнуть, мы могли бы заменить пункт (3) в Определении 4 следующим суждением: « a верит в каждое из суждений A_1, \dots, A_n , X », и добиться того же эффекта, что и с комбинацией исходной формулировки Определения 4 и упомянутой аналитической истины.

агента, за исключением посылок обоснования, которые сами по себе остаются необоснованными. Но и от этих посылок мы требуем, чтобы они были истинными, поскольку настоящее знание не может быть принято на ложных основаниях. Учитывая теперь тот факт, что агент с необходимостью верит во все суждения, которые появляются в его обоснованиях, мы модифицируем Определение 3 следующим образом:

ОПРЕДЕЛЕНИЕ 4. Пусть S есть множество обосновывающих переходов, признаваемых агентом a . Тогда мы скажем, что a знает, что X , если и только если для некоторых суждений A_1, \dots, A_n одновременно выполняются следующие условия: (1) Последовательность A_1, \dots, A_n, X является S -обоснованием; (2) все суждения, входящие в это обоснование истинны; (3) Если V_1, \dots, V_k — список посылок, входящих в обоснование из (1), то a верит в каждое из суждений V_1, \dots, V_k .

Условиям этого определения контрпримеры Геттиера уже не удовлетворяют, поскольку в них нарушается условие истинности всех элементов обоснования. Хотя по сути проблема, связанная с этими контрпримерами, тем самым решена, Определение 4 еще необходимо дополнить некоторыми оговорками чисто технического характера. Действительно, рассмотрим следующую вариацию первого контрпримера:

ПРИМЕР 1.

1. Президент компании заявил, что Джонс получит должность. (посылка)

2. У Джонса в кармане 10 монет (посылка)

3. Существует x , такой, что x получит должность и у x в кармане 10 монет (из 1 и 2).

В этом варианте обоснования наличествует лишь один переход от группы суждений к другому суждению и этот переход, возможно, даже декларируется носителем убеждения «Существует x , такой, что x получит должность и у x в кармане 10 монет» в качестве самоочевидного. Таким образом, все требования Определения 4 выполняются, однако полученное в результате суждение 3 совсем не кажется нам удовлетворительным примером знания. Почему же возникает ощущение, что с представленным обоснованием в действительности что-то «не так»? Вероятно, дело в том, что мы предполагаем, что суждения 1 и 2 в этом варианте обоснования позволяют нам утверждать 3 лишь благодаря, тому, что они «до этого» обосновывают суждение «Джонс получит должность и у Джонса в кармане 10 монет», которое само по себе, по условиям данного примера, является ложным. Нам кажется невероятным, чтобы 1 и 2 обосновывали какую-то другую подстановку в подкванторную часть суждения 3, либо обосновывали суждение 3 непосредственным образом, не подразумевая истинности никаких его подстановочных случаев. В том, что причиной является именно это, нетрудно убедиться, проведя мысленный эксперимент. Предположим, некто считает, что сужде-

ния 1 и 2 в действительности недостаточны для обоснования суждения «Джонс получит должность и у Джонса в кармане 10 монет», но они обосновывают суждение «Смит получит должность и у Смита в кармане 10 монет». (Допустим, потому, что он предполагает, будто президенты компаний всегда делают ложные заявления о предстоящих назначениях, а также почему-либо уверен, что число монет в кармане Джонса почти всегда совпадает с числом монет в кармане Смита.) Или же, в другом случае, автор обоснования может не только отрицать, что 1 и 2 обосновывают суждение «Джонс получит должность и у Джонса в кармане 10 монет», но и вообще отрицать достаточность 1 и 2 для обоснования *любого* суждения вида « x получит должность и у x в кармане 10 монет», принимая при этом 1 и 2 как все-таки достаточное обоснование для 3.

И в первом и во втором из этих сконструированных случаев мы склонны назвать выдвинутые критерии обоснованности весьма и весьма экстравагантными. Однако рассуждение о правильности конкретного набора правил обоснования не связано с вопросом об определении знания и не должно отвлекать нас в этом случае. Главное здесь то, что *если бы мы приняли заявленные критерии обоснования, то мы были бы готовы назвать обоснованное таким образом суждение 3 действительным знанием.*

Попробуем перевести выявленную причину парадоксального характера обоснования из Примера 1 в термины данных выше определений:

ОПРЕДЕЛЕНИЕ 5. Пусть S — множество обосновывающих переходов, переход от V_1, \dots, V_k к V принадлежит S . Этот переход называется S -избыточным, если и только если одновременно выполняются следующие условия: (1) множество суждений V_1, \dots, V_k , не- V выполнимо; (2) имеет хотя бы одно S -обоснование A_1, \dots, A_m, V , в котором не используется переход от V_1, \dots, V_k к V , а все посылки этого обоснования принадлежат списку V_1, \dots, V_k ; (3) для некоторого $1 \leq j \leq m$, множество суждений V_1, \dots, V_k, V , не- A_j выполнимо.

Согласно Определению 5, переход от суждений 1 и 2 к суждению 3 в Примере 1, оказывается избыточным, если он делается агентом, описанным в первом из контрпримеров Геттиера.

Требование выполнимости множества суждений V_1, \dots, V_k , не- V в Определении 5 позволяет исключить из возможных кандидатов на избыточность дедуктивные обоснования, которые априори не могут порождать контрпримеров типа Примера 1. Пусть, например, некоторый агент a признает всего три обосновывающих перехода: от 1) p обосновывает q , 2) q обосновывает (p или r) и 3) p обосновывает (p или r), при этом суждения p, q, r попарно логически независимы. Тогда первые два перехода соответствуют не-дедуктивным способам обоснования, тогда как третий есть пример дедуктивного вывода. Предположим далее, что истинно и известно a , что p , однако ложно что q . Несмотря на ложность q и наличие обоснования « p, q, p или r », второй элемент

которого ложен, мы считаем, что, имея обоснование « $p, p \text{ или } r$ », a знает, что $p \text{ или } r$. Мы считаем так потому, что в силу дедуктивного характера обоснования « $p, p \text{ или } r$ », у нас нет причин рассматривать его как «сокращенный вариант» обоснования « $p, q, p \text{ или } r$ », оно значимо для нас, в некотором смысле, само по себе. Соответственно этой интуиции, мы не можем считать переход от p к ($p \text{ или } r$) избыточным, потому что утверждение p логически несовместимо с отрицанием суждения ($p \text{ или } r$), что противоречит первому пункту Определения 5.

Имея Определение 5, мы можем модифицировать Определение 4 следующим образом:

ОПРЕДЕЛЕНИЕ 4.1. Пусть S есть множество обосновывающих переходов, признаваемых агентом a , и ни один элемент S не является S -избыточным. Тогда a знает, что X , если и только если для некоторых суждений A_1, \dots, A_n : (1) последовательность A_1, \dots, A_n , X является S -обоснованием; (2) все суждения, входящие в это обоснование, истинны; (3) Если V_1, \dots, V_k — список посылок, входящих в обоснование из (1), то a верит в каждое из суждений V_1, \dots, V_k .

Таким образом, здесь мы накладываем дополнительное ограничение, состоящее в том, что формулировка способов обоснования не позволяет им порождать случаи «ложного знания» подобные Примеру 1.

Естественно далее поставить вопрос о способах снятия этого ограничения, иными словами, как можно определить, что же в действительности знает агент, если в описании принимаемых им способов обоснования содержатся избыточные в смысле Определения 5 переходы? Естественный ответ на это состоял бы в том, что следует отбросить из этого списка наименьшее множество переходов таким образом, чтобы все оставшиеся переходы были уже избыточны относительно этого урезанного списка. Проблема, однако, состоит в том, что этим способом, вообще говоря, можно получить различные совокупности способов обоснования, которые позволят нам вывести различные множества утверждений о когнитивном состоянии агента. Поскольку ограниченный объем статьи не позволяет нам разобрать эту проблему подробнее, отметим, что это различие будет влиять лишь на признание агентом той или иной последовательности в качестве допустимого обоснования, а не на множество суждений, признаваемых агентом обоснованными при данном состоянии его знания. Соответственно, в ряде важных случаев это различие не будет иметь сколько-нибудь серьезного значения.

Если мы все-таки признаем его серьезным, то следует далее отметить, что в тех случаях, когда описание множества способов обоснования, принимаемых агентом, содержит избыточные элементы, результат процесса «нормализации» этого описания, вообще говоря, зависит от последовательности, в которой мы отбрасываем избыточные элементы. В результате структура правильного обоснования агентом своих знаний приближается к структуре вывода не в классической, а в немо-

нотонной логике. Таким, образом, именно применение техник немонотонной логики для дальнейшего развития классической концептуализации знания в качестве истинного и обоснованного мнения, становится, на данном этапе развития этой концептуализации, наиболее перспективным направлением дальнейших исследований.

Таким образом, хотя некоторые важные частности в настоящем изложении были вынужденно оставлены за скобками, нам удалось сформулировать, в виде Определения 4.1, вариант определения знания как истинного и обоснованного мнения, в котором устранена главная причина появления контрпримеров Геттиера. И хотя мы не исключаем того, что в дальнейшем и в Определении 4.1 могут обнаружиться «узкие места», подобные затруднениям, связанным с Примером 1, мы считаем, что эти «узкие места», если они вообще существуют, могут потребовать не модификаций нашей исходной идеи, со всей ясностью выраженной уже в Определении 4, но лишь некоторого уточнения фигурирующих в этих определениях терминов.